

Д.К. Зеленин о частушке как о модном поэтическом произведении

В конце XIX в. в России стал распространяться новый вид устного народного творчества – частушка. Термин «частушка» был введен писателем Г.И. Успенским в очерке «Новые народные песни» в 1889 г. при характеристике народных стихов. Истоки частушки – игровые и плясовые припевки, скоморошьи прибаутки, свадебные «дразнилки» и городские песни. Название частушки происходит от глагола «частить» со значением «говорить быстро, под лад частых тактов музыки». Частушка обычно исполнялась под аккомпанемент гармони. Будучи откликом на события дня, частушка рождалась как поэтическая импровизация. Под влиянием фольклорных частушек возникла литературная частушка (Владимир Маяковский, Сергей Есенин).

Одним из первых, кто понял важное значение частушки в развитии народного творчества был известный этнограф Дмитрий Константинович Зеленин. Уроженец села Люк Сарапульского уезда Вятской губернии Зеленин еще в детские годы познакомился с народными песнями и сказками. В годы учебы в Вятской духовной семинарии, а затем в Юрьевском университете сформировались взгляды Д.К. Зеленина как ученого этнографа. Будучи студентом историко-филологического факультета в начале XX в., он активно занимался вопросами этнографии. Участвовал в научных экспедициях в разные уезды Вятской губернии.

Его мысли о значении русских частушек, об эстетических возможностях этого фольклорного жанра сыграли заметную роль в развитии русской фольклористики.

В 1901 г. в московском журнале «Вестник воспитания» была опубликована статья Зеленина «Новые веяния в народной поэзии».

Как указывал автор «главным материалом для выводов» послужили частушки, записанные им в пределах Вятской губернии во время этнографических экспедиций. Зеленин отмечает, что «самыми модными и любимыми в нашем народе поэтическими произведениями в настоящее время бесспорно являются романс и частушка. Успехи тех и других прямо необычайны. Особенно модные романсы – «Чудный месяц», «Разлука ты разлука» и другие – в какие-нибудь 10-15 лет распространились буквально по всей России, не исключая самых захолустных деревень. Успех частушек двойной: они не только распространяются территориально, но и растут вновь, как грибы после теплого дождя. Рядом и параллельно со старыми создаются новые и новые.

Частушки перестали быть «фабричной поэзией», как их окрестили на первых порах публицисты и этнографы. В той же захолустной деревне, от которой на сотни верст кругом нет никаких фабрик, вы непременно услышите молодых певцов, ухарски «наяривающих» на гармошке с бесконечными «переборами» «частую» о милке и милёночке ...

Рядом с этим наблюдается всем известное забвение народом, даже в наиболее патриархальных местностях, своих старинных песен. Молодежь их знать не хочет, и только немногие старики и старухи еще помнят кое-что и изредка поют, вспоминая свою молодость.

Совсем недавно вопрос о народной поэзии сделался модным в нашей современной печати. С какой горячностью тогда все набросились на злополучные частушки, видя в них нечто антихудожественное.

И только в самое последнее время в научной литературе начинают раздаваться серьезные голоса в защиту новой народной поэзии. Авторы настаивают на необходимости серьезного изучения частушки. Это знаменитый историк Н.И. Костомаров и известный писатель Глеб Успенский.

Уже много лет наблюдается забвение нашим народом своей старинной поэзии. Условия быта и всей жизни народа слишком резко меняются. Старая поэзия с отражением в ней отживающего свой век мирозерцания и уклада жизни становится чуждой и непонятной для народа. Она не стала больше затрагивать тончайших струн народной души.

Усвоить сразу книжную искусственную поэзию оказалось для народа невозможным. Между тем, без всякой поэзии народ существовать не может. Она должна быть – и она явилась в виде частушки.

Новая поэзия нашего народа – это родное детище той переходной поры, которую мы переживаем. Но нельзя забывать, что в современной частушке только первые зачатки новой народной поэзии, которая разовьется окончательно только в более или менее отдаленном будущем.

Старые «плясовые» песни – и в том числе знаменитый «камаринский» - прямые прототипы современных частушек. По внешней форме частушки ничем не отличаются от книжной поэзии. В частушках мы встречаемся не с народно-тоническим стихотворением, где, как известно, принимается в расчет логическое, а не грамматическое ударение. При записывании нами песен в Яранском уезде Вятской губернии даже старики, «считывая» песни старались подобрать их текст к литературно-тоническому стиху»¹.

Дмитрий Константинович указывает, что «столь редкая в старинных народных песнях рифма для частушки является обязательной. Эти особенности вполне приближают частушку к стихотворным произведениям наших поэтов:

«Неужеле ты потонешь,
Белый плотик на воде?
Неужеле, мил, забудешь
На чужой на стороне».

Или

«У нас полюшко бугристо:
Нельзя полюшком пройти.
У нас девушки форсисты:
Нельзя близко подойти».

Эти стихи могли бы принадлежать любому из наших современных поэтов.

Сам процесс появления частушек ничем не отличается от создания литературно-книжных произведений. Авторами доброй половины частушек являются живые представители народа, которых вам назовут по именам, по крайней мере, в десяти окружающих их местожительство деревнях. Эти авторы – простые

деревенские парни. Почти все они грамотны. Многие из них осаждают тетрадами своих стихов редакции местных газет»².

Зеленин отмечает, что «гвоздем и любимым коньком частушки являются взаимные отношения «милки» и «миленочка». Выбор темы стар, как самый мир. Эта же тема преобладает и в старинных народных песнях, и в искусственной поэзии. В частушке мы нашли реакцию против старого семейного деспотизма (исключавшего всякую возможность брака по взаимной склонности). Если где старый семейный режим был особенно силен и тяжел, так именно в вопросе о браке молодежи, – этом центральном пункте поэзии всех времен и народов.

Тон наших старинных (особенно семейных) песен, проникнутых столь глубокой, безотрадной грустью, в значительной степени объясняется именно влиянием этого сурового деспотизма. Покорность слепой необходимости неумолимого рока (сам термин «суженый»), боязнь неизвестности, всегда мрачного будущего, с постылым мужем, грозным свекром, сердитой свекровью и злорадными невестками – вот мотивы старинной песни.

В теперешних частушках мы видим бодрый взгляд вперед. Здесь нет запуганности и принижающей веры в слепую силу рока. Здесь мы видим свободный выбор и взаимное ухаживание «милки» и «миленочка», ведущее к браку по любви. Молодежь почуяла (ощутила) свою силу, сознала свою свободу в деле устройства будущей судьбы.

Сын спокойно говорит отцу:

«Уж ты, тятенька, тятенька мой,
Сядь, подумай-ко со мной.
Возьми милу за меня!»

Характерно это приглашение подумать: родительский авторитет совсем не отрицается, но принимается во внимание только опытность, а не старинная власть родителя, требуется лишь его совет и санкция. В случае же, если «тятенька» почему-либо заартачится, у сына уже припасено средство:

«Еж ли милу не возьмешь,
Я не пахарь буду твой,
Не метальщик стоговой,
Не косильщик луговой».

Другой сын обращается к своему отцу с такой просьбой:

«Запряги-ко, тятя, лошадь,
Сивую, косматую.
На примете есть девчонка,
Я ее посватаю».

И девушки не отстают от своих братьев в этой «эмансипации». Одна дочь обращается к родителям:

«Ставь-ко, мама, самовар,
Золотые чашки:
Приведу я гостя к вам
В вышитой рубашке.
Потчуй, тятя, потчуй, мама!
Это гость-от дорогой:
Скоро зять будет родной!»

Другая еще смелее:

«Говорила мамке в самые уста:
Едут свататься, отдай ради Христа.
Не отдашь, мамка, покаешься:
Не пойду я ни жать, ни косить» ... и так далее.

Еще недавно представителям передовой русской мысли (Писарев и др. «мыслящие реалисты») приходилось ратовать против семейного деспотизма в среде образованных слоев общества. Теперь можно только удивляться столь быстрому развитию народного сознания в этом направлении. Брешь прорвалась таким образом в самом наиболее месте.

Вообще брак почти всегда представляется в частушках конечной целью этого бесконечного ухаживания молодежи. Так кавалер предлагает:

«Чернобровая шамайка,
Молись богу за меня.
От солдатства бог избавит,
Возьму замуж за себя».

«Шамайка» – в Яранском уезде – тоже, что милка.

В одном из самых модных романсов также поется:

«Зачем нам разлучаться,
Зачем в разлуке жить?
Не лучше ль обвенчаться
И друг друга любить?»

Все другие стороны народного быта отразились в новой песне гораздо бледнее. Но это неудивительно. Частушка хочет быть лиричной, то есть иметь дело с чувствами, а последними так бедна наша деревенская жизнь, исключая указанных сторон ее.

И вообще, частушка в высшей степени отзывчива ко всем явлениям жизни, конечно главным образом к новым явлениям.

Частушки – песни молодежи, старое поколение деревни нередко относится к частушкам отрицательно. Отношение частушки к деревне и к деревенской жизни со всем ее укладом самое задушевное и проникнуто нередко глубокой симпатией:

«Хорошо в лаптях ходить,
Только трудно обуваться».

Или

«Дождь пойдет, сенцо обмочит,
Будет маменька ругать.
Помоги-ко, мой хороший
Мне стожочек дометать».

«Мой-от миленькой работает в лесу,
Напеку ему рогулек, отнесу».

Возникнув, как фабричная и даже трактирная, частушка стала деревенской, то есть народной в собственном смысле слова.

Пройдут годы, и частушка закоренится живительными соками деревенской, истинно народной песни. Тогда мы увидим пред собой свежий животворный поток народной поэзии»³.

(Ф. Р-3859. Оп. 4. Д. 90. Л. 2-14)

И в этом Д.К. Зеленин оказался прав – XX век стал для частушки поистине веком народного творчества. От простых частушек «про милку» до космических частушек о Гагарине.

И певцами стали не только деревенские парни и девушки. Частушки зазвучали с экранов телевизора и на кремлевской сцене. И романс, и частушка по-прежнему остались модными и любимыми в народе.

Примечания

1 ГАКО. Ф. Р-3859. Оп. 4. Д. 90. Л.2

2 Там же. Д. 90. Л. 7

3 Там же. Д. 90. Л. 14